

Однажды рижской осенью

Город похож на песочное пирожное с мёдом, оставленное на скамейке каким-то недотёпой. По крайней мере, так думал Рузь, слизывая с целлофана последние крошки лакомства. Целлофан шуршал прямо как листья под скамейкой. Листья напоминали золотистые крошки, а мостовые – прослойку из вишнёвого крема. «И вообще, это не Рига, это самая настоящая Рыжа! - подумал он. – Рыжая, как листья, как осеннее солнце, как это пирожное, рыжая, как я!»

И почему только люди уезжают отсюда?.. Клань осенников когда-то сражались за право украшать этот город. Почётнее было только драпировать золотисто-алым праздничным шёлком Сигулду – резиденцию самой Осени. Станные люди. Даже Мать Леса при всей своей нелюбви к городам в этот город иногда заходила – а они уезжают. Мать Ветров и вовсе любила подолгу гостить здесь вместе с сыновьями и кружиться с ними в хороводе под аккомпанемент дождя – а они уезжают.

Люди вообще странные существа, не зря мама не позволяла подходить к ним близко. Но сейчас людей поблизости не было, только две-три одинокие фигуры неспешно прогуливались вдалеке на краю парка. Зато были листья. Красные, жёлтые, пёстрые с замысловатым узором – осенники-художники расстарались на славу. Через пару десятков лет и Рузь получит волшебную кисточку, а пока... кого из прохожих, даже подойди они ближе, удивит рыжий котёнок, играющий шуршащими листьями?

Осенник соскочил со скамейки и погнался за кленовым листом, зацепившимся на плащ пробегающего мимо Южного ветра. Тот увидел собрата-духа, приветливо взмахнул рукой, позволил отцепить от плаща листок и, забрав взамен не менее шуршащий пакет, помчался дальше. Несмотря на всю свою древность, Ветры были сущими детьми, и не меньше Рузя любили поиграть.

Целая куча листьев! Восторженно мяукнув, Рузь помчался туда, где странные люди с кучей веток, привязанных к палке, сгребли все листья в одну большую горку. Высоко подпрыгнув, котёнок плюхнулся на самую верхушку. Но вместо горки очутился в норке: листья ещё не успели утрамбоваться.

Нет, так не годится – котята в норках не живут. Зато живут лисята! Был котёнок (а точнее, КОСЁНОК) – стал... лисенник. Втянув блестящим чёрным носом воздух, лисёнок

блаженно зажмурился. Неужели и он когда-нибудь научится рисовать не только цвет, но и запах, и хрупкость высохших листьев, и их непередаваемое шуршание? Иногда даже хотелось стать скорее взрослым духом, хотя взрослым некогда вот так вот валяться лисом в куче листьев, вилять хвостом и поднимать вверх настоящий золотой фейерверк.

- Щекотно! – вдруг послышалось где-то рядом. Осенник испуганно тяфкнул, взвился в воздух и свалился на землю, а из кучи, смеясь и отряхиваясь, вылезла девочка. Как он её не заметил? Обычная человеческая девочка с двумя русыми косичками, в заляпанной грязью фиолетовой куртке и со школьным ранцем за плечами.

- Ой, - удивлённо проговорила девочка, - ты лисичка! А я думала, котик...

Лисёнок фыркнул и смущённо почесал лапой морду. Бежать как-то поздно, нападать его новая знакомая явно не собирается, а он так давно хотел познакомиться с людьми поближе...

- Можно я тебя поглажу? – девочка медленно протянула руку в его сторону. – Ты такой красивый... Что ты делаешь в парке?

Рука пахла печеньем. Рузь ткнулся в неё носом и лизнул. Им завладело шаловливое настроение. Поблизости не было ни одного духа, а ни один из людей всё равно не поверит в говорящего лиса.

- Гуляю. А ты чего в куче листьев прячешься?

Девочка почему-то совсем не удивилась.

- Чтобы мальчики не нашли. Они дразнятся и кидаются грязью.

- Это что, такая игра? – заинтересованно спросил осенник.

- Наверное. Они соревновались, кто больше раз по мне попадёт. Только мне такая игра совсем не нравится.

- Зачем ты тогда в неё играешь?

- Я не играю. Потому и убежала от них, и они меня не нашли.

- Что же это за игра, если в неё играют с теми, кто не играет и кому она не нравится? – поразился дух. – У нас так не бывает. То есть мы кидаемся, например, каштанами, но это

всем нравится. И тот, в кого кидают, должен успеть разгрызть каштан так, чтобы зелёная кожура треснула, а сам коричневый каштанчик остался целым.

- Мы – это кто? Разве лисы едят каштаны?

- Мы – это осенники, - сказал Рузь и чуть не прикусил язык. – Ты ведь не расскажешь никому?

- Я умею хранить секреты, - серьёзно сказала девочка. – Да и кто поверит Фантазойке-Мезозойке...

- Это тебя так зовут? Какое сложно имя.

- Нет, - рассмеялась девочка. – Меня зовут Зоя. Зойка. Просто меня так прозвали, потому что много много фантазирую и телевизор не смотрю, как пещерный человек.

- Пещерный? – удивился осенник. – А что, в сигулдских пещерах кто-то живёт, кроме глиняков и ручейников? У меня там брат был, он ничего не говорил про дома в пещерах.

- Подожди, ты меня запутал, - девочка наморщила лоб. – При чём тут Сигулда?

- Ну, там пещеры.

- Но они не только там!

- Правда? – лисёнок смутился. – Ну вот, не надо было прогуливать географию...

- У вас и география есть? – удивилась Зойка. – Я думала, лисы такое не учат.

- Да не лис я, я осенник! – сказал Рузь с лёгким раздражением. – Дух осени. То есть иногда лис – ну, в том числе, понимаешь?

- Не очень, - призналась девочка.

- Нуу, сейчас я лисенник. А сейчас, - он поменял внешность, - косёнок. А так, - из рыжей шерсти вдруг выросли колючки, - осёжик. Но вообще, лучше я буду говорить с тобой так, а то вдруг другие люди появятся.

- Лисёнком ты мне нравишься больше, чем мальчиком, - почему-то девочка выглядела расстроенной. – Я не люблю мальчиков. Жалко, что ты не лисичка. Я всегда мечтала поговорить с животным, но они мне почему-то не отвечали. Ты ответил, а оказалось, ты просто мальчик-оборотень.

- Эй, я не оборотень и не мальчик! – обиделся Рузь. – Сейчас я рудзенс. Ну, по-латышски – «rudens» и «zēns». Или «rūdais zēns*». Осяльчик или рыжальчик как-то плохо бы звучало, правда?

- Наверное. Но лисенник мне нравится больше. «Лис» - это почти «лист».

- А «lара» - почти «larsa»**. Мне тоже больше всего нравится быть именно лисом или котом, а мальчиком и не бываю почти никогда, - Рузь вильнул хвостом и снова опустился на четвереньки.

- А давай переименуем Латвию в Лаптвию? Или в Лапсию...

- Давай, - засмеялся лисёнок. – Только кто же согласится с таким переименованием?

- А никто, - Зойка тоже засмеялась. – Мы с тобой никому не скажем. Это будет наш секрет, давай?

- Давай.

- Земля Латвия! – торжественно произнесла девочка. – Отныне ты будешь зваться Лаптвией и Лапсией, но сия есть великая тайна, и о ней знают только девочка Зоя и осенник... ой, а как тебя зовут?

- Рузь.

- Ой, как здорово звучит! – Зойка захлопала в ладоши. – Рууузь. Ласково так. Как будто ты не рыжий, а русский. Или русский.

- Ну, я вообще латышский дух, - осенник смешно наморщил нос. На самом деле, я Рудзенс, но всем лень это выговаривать.

- А мою маму зовут Александра, но всем тоже лень её так звать, поэтому говорят «Саша». А мне не нравится «Саша» - почти как простокваша. Фу. Хочешь, я вас познакомлю?

- Нельзя, - Рузь прижал уши. – Духам вообще нельзя говорить с людьми. Правда, многие нарушают это правило, поэтому у вас столько сказок о нас. Но из осенников я первый, кто нарушает его, и только потому, что тебе доверяю. Мы ведь теперь друзья, правда? – осенник с надеждой посмотрел на Зою. – Ты ведь меня не выдашь? О нашем существовании люди не знают.

- Не выдам, честное-пречестное слово. И мама не выдаст. Да она и так знает, что мир не такой, как учат в школе, - девочка хихикнула. – Она пишет сказки. Пойдём?

- Ну, пойдём, - решительно махнул рукой дух. – Только лучше я в виде мальчика пойду, а то люди будут удивляться, что ты с животным разговариваешь.

Старая арка на выходе из парка показалась воротами в другой мир. Только что они были словно в безвременьи – а теперь со всех сторон на обоих обрушился XXI век с гулом машин, доносящимися из их приоткрытых окон обрывками мелодий и чьей-то громкой руганью, долетавшей из обшарпанного подъезда. Жаль, в человеческом облики нельзя было прижать уши. Зато можно было о чём-то говорить, заглушая неприятные звуки разговорами.

- Мне один из ветров как-то рассказывал об одной сказочнице. Она ей поведал старую-старую историю про какого-то мальчика, которому помогала его мать и Мать Леса и у которого была волшебная дудочка. А она потом взяла и написала об этом книгу. Ветер боялся, что и его накажут, и писательницу эту, но сказка так понравилась Матери Ветров, что никому ничего не было.

- Так это «Спридитис» ***, - подпрыгнула Зойка. – Мы его в прошлом году на латышском проходили. Может быть, когда-нибудь дети будут проходить и мамины сказки. И мои, потому что я тоже хочу быть сказочницей!

- Когда-нибудь будешь, - слышался сзади чей-то мелодичный голос. Обернувшись, Рузь увидел миловидную женщину лет тридцати пяти. В её руках были мешки с покупками. Его спутница радостно воскликнула «Мама!» и кинулась обнимать женщину. Та рассмеялась.

- Мы идём-идём сзади, а вы нас даже не видите.

- Мы? – удивлённо переспросила Зойка и увидела, как из-за маминой спины выглядывает большой рыжий кот. Его зелёные глаза так смотрели на Рузя, что тому захотелось превратиться в ежа и свернуться в клубок. Но его подруга этого не заметила. – А... здравствуйте, - растерянно проговорила она. – А это мой друг Рузь. Он...

- Осенний дух, который, кажется, забыл что-то очень важное, - промурлыкал кот.

- Рыж, может, поговорим об этом, когда дойдём до дома? – предложила женщина.
– Встречные прохожие, знаешь ли, не привыкли к говорящим котам.

- Я бы очень попросил не называть меня так при подчинённых, - шерсть на спине кота встала дыбом, а хвост нервно дёрнулся. – Это для вас, Александра, я Рыж, а для него – Рыжехвост Длинноус, глава клана осенников этого города и директор школы духов, - с этими словами Рыжехвост гордо поднял морду и тут же испуганно покосился на проходящую мимо парочку. Но те были так поглощены друг другом, что ничего не заметили. Он вздохнул с облегчением.

Они завернули во двор и вошли в подъезд. На лестнице директор-дух снова начал возмущаться.

- Нет, ну ладно он прогуливает географию, ну ладно – играет листьями в самолётики, срывая биологию, ладно, исправно ходит только на рисование и магию запахов – в конце концов, это его профильные предметы. Но выдавать тайны клана – это, извините, уже не просто хулиганство! За такое нужно крапивой, извините, по задку. И по человеческому, чтобы больнее – он без шерсти.

- Но тайны клана так или иначе узнала я, - заметила Александра, отпирая дверь и впуская их в квартиру. – Значит, и тебя надо крапивой?

Кот зашипел.

- Если бы вы не были женщиной и я бы не был обязан вас жизнью, то я бы вызвал вас на поединок.

- Обязан жизнью? – переспросила Зойка.

- Да, - сказал кот, успокаиваясь. – Во время вчерашней бури на меня упало дерево. Оно почти не нанесло мне вреда (да и духу куда сложнее нанести вред, даже имеющему тело), но я не мог выбраться. А твоя достойная мать услышала мои отчаянные мольбы о помощи и высвободила меня. Она по своей мудрости сразу поняла, что я не простой кот, и я не счёл возможным скрывать свою истинную сущность от своей спасительницы.

- Простые коты не чертыхаются на всю улицу, - усмехнулась женщина. – И не кричат, что им, кажется, ус оторвало.

- А это тоже можно было не упоминать при подчинённых, - заметил кот и без приглашения запрыгнул на диванчик, стоявший перед кухонным столом. – Молока нальют? Я со вчерашнего дня не пил и не ел.

- Нальют, нальют, - успокоила его сказочница. – Сейчас будем пить чай.

Рузь, свернувшись лисёнком на коленях у Зои, довольно облизывался, съев не меньше трёх своих любимых пирожных. Девочка задумчиво чесала его за ушком и слушала, как главный осенник города в образе кота рассказывает её маме средневековые легенды. На кухне уютно горела зелёная настольная лампа, а на улицах уютного старого города загорались фонари. В их свете медленно падали разноцветные листья, казавшиеся сейчас особенно сказочными. Рузь смотрел на них в окно и думал: как хорошо, что Рыжехвост завтра расскажет всё его маме и она не будет ругаться. Ещё он подумал о том, что сегодня у него появился новый верный друг и что сегодня, наверное, самый лучший день в его жизни... Но эту мысль он не успел додумать до конца, потому что уснул. Ему снились огромные шуршащие горки, которые умеют превращаться в норки, и Зойка, которая швырялась в него листьями и хохотала.

* - «осень», «мальчик», «рыжий мальчик»

** - «Лист», «лиса»

*** - сказка латышской писательницы Анны Бригадиере, где очень много отсылок к латышской мифологии.